

**ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД О ПРОИСХОЖДЕНИИ, РАННЕЙ ИСТОРИИ
И МИГРАЦИЯХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ПЛЕМЕН СТЕПИ И ЛЕСОСТЕПИ
ЕВРАЗИИ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ANTONY D. W. THE HORSE, THE
WHEEL AND LANGUAGE : HOW BRONZZE AGE RIDERS FROM THE
EURASIAN STEPPES SHAPED THE MODERN WORLD. – PRINCETON, 2010.
– 568 P., IL.**

Н. П. Писаревский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 декабря 2010 г.

Разработка проблем прародин, ранней истории и миграции племен индоевропейской (далее – ИЕ) общности – одна из актуальнейших и дискуссионных проблем археологической науки и лингвистики – в последние годы вышла на качественно новый уровень ее разработки. Ценность моноцентрических концепций лингво- и этногенеза древних обществ вообще, племен ИЕ общности в частности (вторжение, миграция, исход, конвергенция, диффузия) к настоящему времени почти исчерпана. Очевидным становится понимание данного процесса как броуновского по своему содержанию, реализовавшего свои потенции в расселении племен и складывании этнографической карты Старого Света к середине II тысячелетия до н.э. [1, с. 53; 2, с. 65–79; 3, с. 47–49; 4, р. 138–154; 5]. Аналогичные наблюдения можно распространить и на сами методы, пути и средства анализа – синтеза – интерпретации источниковой базы, равно как и на историческое объяснение названных процессов в контексте накопленных к настоящему времени фактов, что по самому принципиальному вопросу нашло выражение в утверждении только двух теорий происхождения ИЕ – анатolianской (неолитической) и евразийской (степной) [6, р. 93–112; 7, р. 91–109; 8, р. 19–45; 9, р. 34–42]. Понятно, что предпринимаются и попытки синтеза данных двух концепций, а также иные, альтернативные, поиски индоевропейской прародин, но одна тенденция является определяющей – потребность в переходе на базе достижений археологии и лингвистики на уровень исторического осмысления проблемы. Этому способствовала и разработка шкалы радиоуглеродных (калиброванных) дат, позволившая сдвинуть все без исключения культуры евразийской степи и лесостепи эпохи бронзы в III тысячелетие до н.э. и даже дальше [10, с. 92–102]. Наконец, нельзя не отметить знакомство

широкого круга западных археологов и лингвистов с публикациями материалов Хвалынского и Синташтинского могильников эпохи бронзы с колесницами, указавших на индоевропейский характер евразийской степной истории в эпоху энеолита – бронзы [11, с. 18–24]. В указанном отношении выдержавший за последние три года два издания обобщающий труд крупного английского археолога, принимавшего непосредственное участие в том числе и в раскопках разнотипных памятников эпохи бронзы на территории России, Дэвида В. Энтони, является весьма показательным.

В противовес всем имеющимся он на основании «перекрестного допроса» данных лингвистики и археологии предпринял попытку обоснования новой концепции – концепции складывания протоиндоевропейского (далее – ПИЕ) языка и его диалектов в обществах носителей археологических культур степи и лесостепи Евразии между 4500–2500 гг. до н.э., которые и являлись движущей силой их распространения от «Старой Европы» (т.е. неиндоевропейской) до Китая [5, р. 20]*.

Основу взгляда Д. Энтони составляет доказательство представления о ПИЕ языке как «материнском», распад которого около 3700/3400 гг. до н.э. на территории степей Евразии имел своим следствием формирование и распространение между 3400 и 2300 гг. до н.э. отдельных ветвей ИЕ языков и их носителей (с. 98–101). Первыми, по мнению исследователя, от ПИЕ общности отделились анатолийские языки, затем тохарские, а после них кельтские (итало-кельтские (с. 43–47). Считая вопрос сложным, тем не менее, он полагает возможным рассматривать в

* Последнее весьма актуально в связи с имеющимися попытками переориентации на противоположный основному вектору развития этнолингвистических и культурных связей между земледельческим и скотоводческим населением западных и восточных областей евразийской степи [12].

качестве очередных по последовательному счету языки греко-армянской ветви и, вопреки имеющимся представлениям о существовании греко-арийской общности, основываясь в основном на археологических данных, думает, что индоиранские, балто-славянские и пра-германские языки олицетворяли некий диалектный континуум, находившийся внутри себя к тому же в постоянном контакте и единстве, но распавшийся окончательно на стадии так называемого Позднего Триполья между 2500–2300 гг. до н.э. (с. 48–49). Последние группы диалектов, как полагает Д. Энтони, локализовались еще в понто-каспийских степях, откуда, собственно, и началась их миграция на запад и север еще в IV тысячелетия до н.э. (с. 50–58).

Следует подчеркнуть, что констатация данного факта построена исследователем на совершенно определенной методологической основе. Давая оценку соотношению языка с памятниками материальной культуры, автор особо подчеркивает противоречивость, многоаспектность, многоуровневость, непосредственный и опосредованный характер данного процесса: протоэтнос, по убеждению исследователя, всегда формировался как слияние нескольких этносов и культур, точно так же, как и язык соотносился с носителями нескольких археологических культур, т.е. этот процесс являлся полиэтническим (и полиантропологическим) по своему содержанию.

В концепции Д. Энтони важное место отведено рассмотрению миграции, которую, несколько абсолютизируя ее значение и роль, он считает определяющей формой расселения ИЕ племен (с. 108–113) – вывод, который нашел отклик в сходном по тематике труде Л. С. Клейна [3, с. 12].

В результате скрупулезного анализа всей совокупности данных Д. Энтони приходит к заключению, согласно которому в истории степного населения Евразии могли иметь место три связанные с расселением потомков ПИЕ общности потока миграции. Самой ранней из них была экспансия ее диалектов на Восток. За ней последовала миграция на Запад. И только на заключительном этапе (около 2500 г. до н.э.) – на Юг (в Иран и Северо-Западную Индию) (с. 340–367). Показательно, что исследование ведется автором в контексте отождествления различных археологических культур степи и лесостепи с отдельными ветвями ИЕ языка.

В указанном смысле привлекает внимание идентификация и соотношение автором памятников абашевской и синташтинской археологических культур, а также срубной, одной из великих в оценке В. М. Массона, общности,

которые можно назвать примечательными (и представляющими интерес) с точки зрения их соотношения с памятниками, отображающими складывание и распад племен и языков греко-арийской общности на территории евразийской степи и лесостепи. С первой из них он связывает *абашевскую эру* в Уральско-Тобольском междуречье, которая имела место на стадии Позднего Абашево в период до того, как носители синташтинской культуры построили здесь свои крепости (с. 385). Именно здесь, по мнению автора, впервые становятся весьма существенными орнаментальные, олицетворяемые геометрическим меандром, мотивы абашевской керамики, производимой в Уральском регионе (с. 386, рис. 15.7). Только на памятниках этого региона встречаются баночные сосуды абашевского типа, которые, равно как и меандрообразный орнамент, а также металлическое оружие и дисковидные псалии, с одной стороны, отображали воздействие сибирского Абашево на Синташту, а с другой – обратный культурный импульс со стороны Синташты на Абашево (там же). Другой особенностью данной культуры Д. Энтони называет отсутствие захоронений животных в больших масштабах, значительное разнообразие орнаментации керамических сосудов и металлических изделий. К этому он добавляет и наблюдение, связанное с констатацией нетипичности оборонительных сооружений для абашевских поселений в сравнении с Синташтой (с. 387). В связи с этим автор, преувеличивая место носителей синташтинской культуры в процессе этногенеза связываемого им с индоиранцами степного населения, предлагает свое видение ее истоков и источников. Первой по счету он называет полтавкинскую культуру, которую считает Волго-Уральским продолжением ямного горизонта. В Урало-Тобольское междуречье ее носители – группы пастухов-скотоводов – двинулись между 2800–2600 гг. до н.э. Признаком, на который опирается ученый, выступает декоративный ряд полтавкинской орнаментации, присутствующий и на синташтинской посуде, единичные погребения в окруженных каменными оградами курганах и то обстоятельство, что один из полтавкинских могильников расположен в 400 м южнее будущего Аркаима. Вторым по счету источником и истоком традиций синташтинской общности ученый называет родственную и современную ей потаповскую археологическую культуру Средней Волги (2100–1800 гг. до н.э.) с аналогичным ритуалом и обрядом погребений, металлом, оружием, погребениями лошадей и колесничной атрибутикой, которая, в свою очередь, пришла

на смену предшествовавшей полтавкинской культуре. Третьим и одним из важнейших факторов формирования культуры Синташты, как уже отмечалось, автор считает воздействие на нее материальной и духовной культуры носителей абашевской археологической общности (с. 387). Насколько можно понять, из логики рассуждений автора следует, что симбиоз указанных компонентов определил произошедший между 2300–2000 гг. до н.э. процесс обособления локальных вариантов синташтинской культуры. Последнее вполне вписывается и в оценки Е. Е. Кузьминой, одной из первой обратившей внимание на билингвизм населения – носителей абашевской культуры [13, р. 169–170, 222]. Сам же исследователь полагает возможным относить к этому времени и контакты абашевцев с носителями финно-угорских языков, что выразилось в появлении в них заимствованных слов из ИЕ словаря (с. 382). Некоторая прямолинейность трактовок зарубежного археолога, вытекающая из недостаточного знакомства с абашевскими и родственными им памятниками других территорий, по нашему мнению, связана еще и с невниманием к тому, что формы и орнаментация сосудов отображают самые различные состояния общества, а следовательно, и развития диалектов той или иной языковой ветви, проявляющихся в соотношении адстрата и субстрата. Тем не менее направление, избранное автором, следует считать весьма и весьма перспективным.

Обобщающий труд Д. В. Энтони содержит много других плодотворных в своей совокупности идей и решений, достигнутых автором с точки зрения необходимости привязки данных лингвистики и археологии друг к другу на базе шкалы калиброванных датировок. Фундаментальность поднятых Д. Энтони проблем археологии племен ПИЕ языковой общности, тщательность и скрупулезность анализа, осторожность, проявляемая автором при формулировке предлагаемой читателям новой и оригинальной концепции, позволяют назвать публикацию его обобщающего труда существенным вкладом в разработку путей исторической интерпретации, в исследование проблем происхождения и истории индоевропейских племен в современной науке.

Воронежский государственный университет

Писаревский Н. П., доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: deanary@hist.vsu.ru

Тел.: 8(473) 239-39-35

ЛИТЕРАТУРА

1. Герценберг Л. Г. Новые книги / Л. Г. Герценберг // Индоевроп. языкозн. и клас. филология. – 2007. – Вып. 11.
2. Дыбо А. В. Язык – этнос – археологическая культура : несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы / А. В. Дыбо // Сравн.-ист. исслед. языков : совр. сост. и перспект. – М., 2003.
3. Клейн Л. С. Прародина и миграции индоевропейцев / Л. С. Клейн. – СПб., 2007.
4. Van der Linden M. The Roots of Indo-European Diaspora : New Perspectives on the North Pontic Hypothesis / M. van der Linden // Proceedings of the 15-th Annual UCLA Indo-European Conference. – Washington, 2004.
5. Mallory J. P. The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indo-European World / J. P. Mallory, D. Q. Adams. – Oxford, 2006.
6. Dergachev V. Two Studies in Defence of the Migration Concept Ancient Interactions : East and West in Eurasia / V. Dergachev. – Cambridge, 2002.
7. Gray R. D. How old is the Indo-European family? Progress or more moths of the flame / R. D. Gray, Q. D. Atkinson // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages. – Cambridge, 2006.
8. Harke H. Archeologists and Migrations : A problem of attitude (and Comments and Reply) / H. Harke // Current Anthropology. – 1998. – Vol. 39, Nr. 1.
9. Renfrew C. Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European: «Old Europe» as PIE Linguistic Area / C. Renfrew // Language in Prehistoric Europe. – Heidelberg, 2003.
10. Епимахов А. В. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья / А. В. Епимахов, К. Ренфрю // РА. – 2005. – № 4.
11. Стефанов В. И. О культурной принадлежности Большого Синташтинского кургана / В. И. Стефанов // РА. – 2009. – № 6.
12. Манзура И. В. Владеющие скипетрами / И. В. Манзура // Stratum plus. – 2000. – Т. 2. – С. 237–295.
13. Kuzmina E. E. The Origin of the Indo-Iraniens / E. E. Kuzmina ; ed by J. P. Mallory. – Leiden, 2007. – Vol. 3.

Voronezh State University

Pisarevskiy N. P., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: deanary@hist.vsu.ru

Tel.: 8(473) 239-29-35